

М. А. Морозов

ЗАГОВОРЫ 90-Х ГГ. XI В. В ВИЗАНТИИ И ВОПРОСЫ КОММУНИКАЦИИ ВЛАСТИ И ЭЛИТЫ (ПРОБЛЕМА КОНСЕНСУСА)

Хотя к 1081 г. между будущим императором Алексеем I Комнином и некоторыми представителями высшей элиты Византии уже существовала определенная степень сплоченности, обусловленная их общей целью узурпации власти и, в дальнейшем, участием в управлении империей и в получении доходов, все же у нового императора уже были личные связи с некоторыми представителями военной верхушки со времен его пребывания на посту великого доместика запада, на которых он мог опираться. Тем не менее, молодой Комнин еще не имел особенно продолжительной военной карьеры, и можно предположить, что изначально в столице у него были более прочные связи, чем в войсках¹. Таким образом, перед новым правительством стояла задача, которую с переменным успехом приходилось решать и другим правителям, захватывавшим власть в Константинополе в XI в. Это формирование договоренностей с военной и гражданской элитой, которая создавала на местах и в столице различные сети взаимодействий и клиенты.

¹ *Cheyne, J.-Cl.* Pouvoir et contestations à Byzance (963–1210) (Byzantina Sorbonensia 9). Paris, 1990. P. 359; *Schmidt, T.* Armeeführung und Militäreliten in Byzanz, 1081–1203: Selektion, Hierarchie, Repräsentation. Turnhout, 2025. S. 38–47.

Возможности действий при назначении и переназначении на военные и административные должности в соответствии с собственными политическими и военными потребностями предопределялись как формированием политических союзов, так и наличием доступных руководящих кадров. Так, включение Никифора Мелиссина, который в 1081 г. еще сам претендовал на императорский престол, в состав новой военной элиты является ярким примером того обстоятельства, что участие некоторых ключевых, но проблемных сторонников Алексея Комнина в военном руководстве являлось в политическом плане неизбежным. Естественно, новый император предпринимал попытки сдержать связанные с этим риски при планировании назначения Мелиссина на региональные военные посты².

В случае с Мелиссином меры по его интегрированию в новую иерархию чинов, по-видимому, оказались успешными³. Включение в новую элиту других проблемных представителей военных семей, таких как Палеологи (Никифор и Георгий) и Кавасилы, которые пользовались преимуществами еще до 1081 г., в период правления императора Никифора III (1078–1081), также, похоже, оказалось успешным⁴. Однако это не должно заслонять от нас тот факт, что возможности правителя в области кадровой политики были сильно ограничены, особенно в первые десятилетия, и логика включения основных представителей социально-политической элиты частично противоречила принципам эффективного контроля над военной знатью и иерархией чинов.

Проблема становится особенно очевидной, если мы обратим внимание на последствия двух серьезных заговоров 90-х гг. XI в., в которых высшие военные играли ведущую роль: так называемого заговора Никифора Диогена около 1094 г. и заговора братьев Анема-

² Schmidt, T. *Armeeführung und Militäreliten in Byzanz*, S. 39–40.

³ П. Франкопан (*Frankopan, P.* The fall of Nicaea and the towns of Western Asia Minor to the turks in the later 11th century: the curious case of Nikephoros Melissenos, in: *Byzantion*. 2006. Т. 76. Р. 172–173) полагает, что Мелиссин был причастен к различным заговорам против Алексея I, но этот факт невозможно доказать на основании имеющихся у нас источников.

⁴ Об интеграции этих потенциальных рискованных кандидатов см.: Cheynet, J.-Cl. *Pouvoir et contestations à Byzance*. Р. 362.

дов на рубеже веков⁵. Эти заговоры не только дают представление о внутренних трудностях, с которыми сталкивался Алексей I в первые десятилетия своего правления, но и предоставляют важную информацию о том, как на практике обсуждались и доводились до сведения населения проблемные кадровые решения — в данном случае, касающиеся влиятельных чинов, подозреваемых в заговорах.

Здесь следует несколько слов сказать об историческом контексте, в котором разворачивались события 90-х гг. На момент захвата власти Алексеем Комнином в живых оставалось четыре багрянородных принца: Констанций Дука, сын императора Константина X Дуки (1059–1067), Константин Дука, сын императора Михаила VII Дуки (1071–1077), а также Лев Диоген и Никифор Диоген, оба сыновья императора Романа IV Диогена (1067–1071). Это обстоятельство было весьма значимым при смене лиц на императорском престоле, ибо после императрицы Зои, родившейся в 980 г., вплоть до рождения Константина Дуки в 1060 г. не существовало ни одного багрянородного наследника. Учитывая важность рождения в пурпуре для легитимации власти наследника со времен Македонской династии, естественно, что Алексей Комнин, сам являвшийся узурпатором, мог рассматривать багрянородных принцев как угрозу себе⁶. Однако вместо того, чтобы подвергнуть их изгнанию, как это делали его предшественники, он сосредоточил свои усилия на поддержании близких отношений с ними. Так, он использовал притязания Константина Дуки на власть в империи

⁵ О датировке заговора Диогена 1094 г. см.: *Cheyne, J.-Cl. Pouvoir et contestations à Byzance*, No. 128, P. 98–99. П. Франкопан (*Frankopan, P. Kinship and the Distribution of Power in Komnenian Byzantium*, in: *The English Historical Review*. 2007. Vol. 122. P. 16) более осторожен и предполагает датировать его периодом начала-середины 1090-х гг. Заговор Анемадов обычно датируется периодом между серединой 1090-х и 1104 гг. М. Рожа (*Rózsa, M. Families behind a plot. The political and social background of the Anemas conspiracy*, in: *Papers and proceedings of the third medieval workshop in Rijeka* / Ed. K. Jovanović, S. Miljan. Rijeka, 2018. P. 13–14) относит его к периоду после Первого Крестового похода. Л. Мак Магон (*McMahon, L. Anna Komnene, the Kontostephanos, and the Norman invasions of 1107–1108 and 1147–1149*, in: *Byzantinische Zeitschrift*. 2024. Bd. 117/3. S. 698) датирует его приблизительно 1103/1104 г.

⁶ О «багрянородности» как факторе легитимности, см.: *Дагрон, Ж. Император и священник: этюд о византийском «цезарепапизме»*. СПб., 2010. С. 32–44.

для оправдания собственного переворота в 1081 г. С Констанцием Дукой и Львом Диогеном ему удалось поддерживать хорошие отношения, хотя они оба рано погибли: Констанций Дука в битве при Диррахии с норманнами Роберта Гвискара в 1081 г⁷. а Лев Диоген в битве при Дристре с печенегам в 1087 г⁸. Но оба оказывали новому василевсу поддержку в первые годы его правления. Только Никифор Диоген не признавал Алексея I в качестве нового правителя, оказывая ему постоянное сопротивление.

Никифор Диоген после свержения и ослепления отца в 1072 г. был сослан вместе со своим братом Львом и матерью, императрицей Евдокией Макремволитиссой, в Киперудский монастырь. Император Никифор III Вотаниат после своего восшествия на престол возвратил их ко двору, хотя Анна Комнина приписывает это событие своему отцу⁹. Также именно Вотаниат возвратил Евдокию Макремволитиссу, которая была сослана ее собственным сыном Михаилом VII¹⁰. Еще важнее то обстоятельство, что император Никифор III рассматривал возможность женитьбы на Евдокии Макремволитиссе¹¹. В конце концов, кесарь Иоанн Дука убедил его жениться на Марии Аланской. Когда на престол после переворота взшел Алексей I, он продолжил примирительную политику предыдущего императора по отношению к Диогенам. Он возвратил Евдокии Макремволитиссе императорские почести и взял братьев Диогенов под свою особую защиту и наделил их доходами¹². Анна Комнина описывает Льва Диогена как верного

⁷ Annae Comnenae Alexias, I: Prolegomena et textus / Rec. D. R. Reinsch, Ath. Kambylis. Berlin; New York, 2001. (далее — Komn. Alex. См. русский перевод: Анна Комнина. Алексиада / Пер. с греч. Я. Н. Любарского. СПб., 1996.) I, 4, VI, 7.

⁸ Komn. Alex. I, 7, III, 8.

⁹ Komn. Alex. IX, 6, 3.

¹⁰ Michaelis Attaliatae Historia / ed. E. Th. Tsolakes. Athen, 2011. P. 304.

¹¹ Ioannes Zonarae epitomae historiarum: Libri XIII–XVIII / ed. Th. Büttner-Wobst, ex rec. M. Pinder. Bonn, 1897. (далее — Zonar. Epit. Hist.) XVII. 22.

¹² Анна Комнина (Komn. Alex. IX, 6, 1–3) приводит в качестве примера дарование Никифору «власти» (ἀρχή) над Критом в качестве особого знака доверия. Ж. Кл. Шейне (*Cheyne, J.-Cl. Pouvoir et contestations à Byzance*. P. 365) полагает, что это должно было удерживать Диогена от каких-либо амбиций. Предположительно, такое дарование также предназначалось для материального содержания Диогена, потерявшего свою экономическую основу на востоке. Как он убедительно показывает, передача власти не обязательно подраз-

человека, довольного своим положением, предоставленным ему Алексеем. Никифор же постоянно плел интриги против императора. Анна пишет, что он пользовался широкой поддержкой среди рядовых воинов (κοινοῦ τοῦ στρατοῦ), и поэтому сосредоточил свои усилия на привлечении на свою сторону высших военных, а также политической элиты (τὰ πρῶτα [...] τοῦ στρατιωτικοῦ καὶ πολιτικοῦ συντάγματος) включая стратига Катакалона Кекавмена¹³. Она утверждает, что его интриги увенчались успехом, поскольку Никифору удалось заручиться поддержкой также Михаила Таронита, паниперсеваста и зятя императора Алексея I и что Алексей был хорошо осведомлен о постоянных кознях Никифора, но вместо того, чтобы гневаться на него, император осыпал Никифора еще более щедрыми подарками¹⁴.

Интересно отметить, что Комнины были связаны как с Таронитами, так и с Диогенами, по крайней мере, за десятилетие до переворота 1081 г. Михаил Таронит был женат на Марии Комниной, старшей сестре Алексея I, а Константин Диоген, брат Никифора Диогена, был обручен с другой его сестрой Феодорой Комниной вскоре после смерти их отца Иоанна Комнина в 1067 г.¹⁵ В исследованиях, посвященных внутренней политике Комнинов, которые убедительно подтверждают существование кланов в среде византийской социальной элиты, и обычно такие союзы

умевала личное присутствие Никифора на Крите. Но Де Медейрос Публио Диас (*De Medeiros Publio Dias, J. V. The Political Opposition to Alexios I Komnenos (1081–1118). (PHD. — dissertation). Mainz, 2020. P. 139–140*) полагает, что могло иметь место своего рода изгнание Никифора. См. также обсуждение мнения П. Франкопана о том, что Никифор был отправлен не на Крит, а на Кипр (*Frankopan, P. Challenges to imperial authority in Byzantium: Revolts on Crete and Cyprus at the end of the 11th c., in: Byzantion. 2004. Т. 74/2. P. 382–402*), в котором, на мой взгляд, справедливо сомневается Де Медейрос Публио Диас.

¹³ Komn. Alex. IX.6.; VIII. 2.

¹⁴ Komn. Alex. IX, 6. Михаил Таронит был особенно близок к Никифору, поскольку являлся его *syggambros*.

¹⁵ *Nicephore Bryennios. Histoire / Introd., texte, trad. et notes par P. Gautier. Bruxelles, 1975* (далее — Nic. Bryen. Hist.) I, 6, 84–87; *Nikolaros, S. Die Taronitai. Eine prosopographisch-sigillographische Studie, in: Millenium. 2017. Vol. 14. S. 239f.*

рассматриваются как союзы между семьями в целом¹⁶. Однако, скорее всего, всё было гораздо сложнее. Брак между Марией Комниной и Михаилом Таронитом состоялся за четырнадцать лет до восшествия Алексея Комнина на престол в совершенно иных условиях. Крайне нестабильная политическая обстановка и постоянные смены властей в XI в. препятствовали формированию долгосрочных политических союзов. Следовательно, эти союзы лучше рассматривать с точки зрения политических маневров с краткосрочной перспективой, учитывающих амбиции каждой из семейных группировок. В результате изменения политической обстановки менялись отношения между этими семьями, особенно после прихода к власти Алексея и установления им новой придворной иерархии, которая ставила ближайшую семью императора — братьев и племянников, а также братьев Ирины Дукины — выше других родственников по браку. Поэтому даже если и Никифор Диоген, и Михаил Таронит пользовались положением и статусом при дворе Алексея I, то их потомкам, возможно, было суждено занять более низкое положение в придворной иерархии. Это был совершенно иной сценарий, чем тот, который существовал при прежней придворной иерархии, когда теоретически каждое новое поколение могло улучшить положение своей семьи, занимая более высокие должности и получая более высокие титулы. С созданием Алексеем новой иерархии кровных родственников такая система перестала существовать. Поэтому неудивительно, что ни Таронит, ни Диоген не смирились со своим положением второстепенных соратников в правительстве Комнинов более чем через десять лет после заключения этих брачных союзов¹⁷.

В связи с этим заговором Анна Комнина называет, кроме Никифора Диогена, Катакалона Кекавмена и Михаила Таронита, еще два имени — императрицу Марию Аланскую и, косвенно, потенциального наследника престола Константина Дуку. Недостаточно

¹⁶ *Leidholm, N. Elite Byzantine Kinship, Ca. 950–1204: Blood, Reputation, and the Genos. Leeds, 2019. P. 152–153.*

¹⁷ П. Магдалино указывает на аналогичное направление, когда интерпретирует заговор Никифора и Диогена как выражение недовольства Диогена привилегированным положением, которое занимали Дуки во время правления Алексея I: *Magdalino, P. The Empire of Manuel I Komnenos, 1143–1180. Cambridge, 2002. P. 203.*

изученный аспект — это связь его главаря Никифора Диогена с бывшей императрицей Марией Аланской и, следовательно, с ее сыном Константином Дукой, а также сходство этого союза с союзом, заключенным в 1081 г., который привёл к власти Алексея Комнина. Существует мнение, что сам заговор был направлен на защиту императорских прав именно Константина Дуки, а не Никифора Диогена¹⁸, но хотя Анна Комнина, возможно, пытается скрыть участие своего бывшего жениха в заговоре с целью убийства её отца, роль Никифора Диогена не следует преуменьшать. Поэтому можно предложить иную интерпретацию этого союза.

Очевидно, что Мария Аланская упоминается в исторических источниках в связи с её усилиями по защите притязаний своего сына на императорскую власть, и в этом конкретном случае ситуация не отличалась от переворота 1081 г. Единственное различие заключается в том, что Константин Дука в 1094 г. уже не являлся ребёнком, поэтому его участие и одобрение действий матери следует считать само собой разумеющимися. У обоих были все основания быть недовольными Алексеем I. Они обеспечили ему легитимность в трудное время начала его правления после его собственной узурпации престола, но были отстранены от власти, как только у нового императора появилось потомство мужского пола, к тому же он укрепил своё положение благодаря решающей победе над печенегами при Левунионе. Удаление Марии Аланской и Константина Дуки, а также их сторонников, стало логическим следствием этих событий¹⁹.

Таким образом, сближение между ними и Никифором Диогеном вполне объяснимо. Константин Дука и Никифор Диоген являлись багрянородными, чьи притязания были проигнорированы преемниками их отцов. Более того, они являлись близкими родственниками: Никифор был дядей Константина через Евдокию Макремволитиссу. Тот факт, что Михаил VII Дука, отец Константина Дуки, сверг Романа IV Диогена, отца Никифора Диогена, и был виновен в его ослеплении, по-видимому, не стал препят-

¹⁸ *Joannou, P.* Christliche Metaphysik in Byzanz I. Die Illuminationslehre des Michael Psellos und Joannes Italos. Ettal, 1956. P. 28.

¹⁹ Л. Вилимонович также считает, что Константин Дука сыграл в заговоре более важную роль, чем Анна Комнина была готова признать, см.: *Vilimonović, L.* Structure and Features of Anna Komnene's Alexiad: Emergence of a Personal History. Amsterdam, 2019. P. 219–227.

ствием для создания этого союза. Долгое время существовавшая вражда между матерью Алексея Комнина Анной Далассиной и Иоанном Дукой, кажется, является исключением в византийской политике XI в. Этот заговор — яркий пример того, как бывшие враги заключали союзы также легко, как и отворачивались от бывших союзников, если того требовали новые политические потребности. Следовательно, этот заговор можно рассматривать как мятеж багрянородных. После смерти Констанция Дуки и Льва Диогена единственными оставшимися в живых багрянородных, не принадлежавшими к династии Комнинов, являлись Константин Дука и Никифор Диоген. И вполне понятно, что они были замешаны в одном и том же заговоре против Алексея I вскоре после того, как он короновал своего сына со-императором и лишил этого же титула своего бывшего партнера, Константина Дуку²⁰.

Заговор развивался стремительно и вдали от Константинополя. Начиная с 1081 г. (Никифору в то время должно было быть около 15 лет²¹) оба брата Диогена регулярно сопровождали императора в военных походах. Однако они никогда не командовали крупными самостоятельными войсковыми соединениями. Но они являлись участниками военного совета, где их мнение имело значительный вес, и служили в императорской гвардии²². Анна Комнина комментирует решение Алексея оставить обоих при дворе таким образом: «Любой другой на его месте с подозрительностью отнесся бы к юношам [...] и с самого начала всеми способами постарался бы изгнать их из государства»²³. Она намекает на опасность,

²⁰ Константин умер вскоре после этого заговора, 12 августа 1094 г.: *Kourouporou, M., Vannier, J.-F.* Commémoraisons des Comnènes dans le typikon liturgique du monastère du Christ Philanthrope (MS. Panaghia Kamariotissa 29), in: *Revue des études byzantines*. 2005. Т. 63. Р. 67. См. также: Nic. Bryen. Hist. Pref. Р. 65, 67.

²¹ В. Скулатос (*Skoulatos, B.* Les personnages byzantins de l'Alexiade: analyse prosopographique et synthèse. Louvain, 1980. No. 146. Р. 233) предполагает время его рождения между 1068 и 1071 гг.

²² Комн. Alex. IV. 5: в 1081 г. он участвовал в военном совете; VII. 2: в 1087 г. он участвовал в военном совете и служил в императорской гвардии; IX.5: в 1094 г. он находился в полевом лагере (заговор Никифора Диогена); XIII. 6: в 1107 г. он был командующим императорским войском.

²³ ἄλλος μὲν γὰρ ἰσως καὶ ὑπόπτους ἀν ἐλογίσατο τοὺτους καὶ ἐκποδῶν διὰ παντοίας μεθόδου ἐξ αὐτῆς ἀρχῆς ποιῆσαι ἐσπούδασεν

исходящую от сыновей императора, но приписывает любое недоверие к ним императорскому окружению, в то время как Алексей предстает в ее глазах мягким и беспристрастным правителем. Во всяком случае, оба багрянородных принца представляли собой естественный центр оппозиции новому императору²⁴. Если Лев Диоген в 1087 г. уже умер, то Никифор, по-видимому, был замешан в заговоре 1094 г.²⁵. Этот человек, которому тогда было около двадцати лет, предположительно был схвачен во время нескольких попыток покушения на Алексея I в военном лагере близ Серр и в имении Константина Дуки. Хотя Анна называет его инициатором заговора, все же кажется вероятным участие целой фракции, которая использовала его в своих целях²⁶.

Анна представляет попытку государственного переворота или убийства серьезной угрозой для основания власти Комнинов²⁷. Вероятно, Диоген имел хорошие связи в войсках. Достаточно вспомнить популярность императора Романа IV, чья сеть преданных ему людей, безусловно, частично сохранилась²⁸. Это, вероятно, способствовало заинтересованности Алексея в нахождении близ себя и в поддержке обоих Диогенов, поскольку его собственное нахождение у власти также зависело от доброй воли воинских подразделений.

Политические мотивы Никифора Диогена и его сторонников можно лишь предполагать. Возможно, у них имелись вопросы

ὁν [...]. Komn. Alex. IX, 6.

²⁴ Frankopan, P. Challenges to imperial authority in Byzantium. P. 259.

²⁵ О смерти Льва в битве при Дристре см.: Komn. Alex. IX. 5–9 и VII. 3.

²⁶ Де Медейрос Публио Диас (*De Medeiros Publio Dias*, J. V. The Political Opposition to Alexios I Komnenos. P. 139) справедливо отмечает, что Никифор, вероятно, был всего лишь подростком во время первых предполагаемых попыток покушения и, вероятно, не преследовал свои планы в одиночку. П. Франкопан (Frankopan, P. Challenges to imperial authority in Byzantium. P. 260) предполагает причастность к заговору Константина Дуки. Действительно, по словам Анны Комниной (Komn. Alex. IX. 8), его мать Мария Аланская знала о заговоре.

²⁷ Komn. Alex. IX, 7. Это была не первая попытка государственного переворота, в которой она обвинила Никифора.

²⁸ О сети преданных Диогенам людей в Восточном и Западном войсках см.: Cheynet, J.-Cl. Grandeur et décadence des Diogénai, in: *La société byzantine*. Paris, 2008. Vol. 2. P. 577–578; Каждан, А. П. Социальный состав господствующего класса Византии одиннадцатого – двенадцатого вв. М.: Наука, 1974. С. 275.

к военной стратегии Алексея (сосредоточение внимания на западном направлении вместо отвоевания восточных территорий, занятых сельджуками). Также могла иметь место напряженность внутри коалиции Комнинов и Дук, и с другими семьями, оттесненными после прихода его к власти на второй план²⁹. Что касается последующих переговоров в военном лагере, то Анна отмечает, что «поддержка, на которую мог рассчитывать самодержец, ограничивалась несколькими людьми», в то время как Диоген, наоборот, развратил «все гражданское и военное сословие» благодаря силе своего обольщения³⁰. Можно обвинить Анну в некоторой присущей ей драматизации, но описанная ею реакция Алексея I проливает свет на то, насколько шаткой могла быть ситуация на самом деле.

Первоначально, как утверждает Анна Комнина, была предпринята попытка достичь тайного соглашения с Диогеном при посредничестве Адриана Комнина. Когда это не удалось, Диоген, Катакалон Кекавмен и Михаил Таронит были взяты под стражу как зачинщики заговора. Приговор был оглашен публично в императорской палатке под председательством Алексея в окружении его сторонников и варягов. Никифор Диоген, Катакалон Кекавмен и Михаил Таронит были приговорены к ссылке³¹. Вскоре после этого Никифор был ослеплен, но этот факт не рассматривался в суде и,

²⁹ Ж. Кл. Шейне (*Cheyne, J.-Cl. Pouvoir et contestations à Byzance*, P. 367) полагает, что представители социальной элиты, чьи корни уходили в те части Малой Азии, которые ныне контролировались турками, были особенно недовольны перенаправлением внимания Алексея I на Запад. С другой стороны, Де Медейрос Публио Диас (*De Medeiros Publio Dias, J. V. The Political Opposition to Alexios I Komnenos*. P. 149–51) высказывает мнение, что некоторые представители двора, такие как Диоген и Таронит, имевшие высокие придворные титулы, но не имевшие тесного родства с императором, опасались за будущее своих наследников в составе властной элиты, положение которой все больше определялось прямым родством с правящим семейством. Он также приводит в качестве дополнительного мотива напряженность между бывшим наследником престола Константином Дукой и Марией Аланской, с одной стороны, и Алексеем I, у которого недавно родился наследник мужского пола (бедующий император Иоанн II), с другой.

³⁰ τὰ κατ' αὐτὸν ὁρῶντες ὡς εἰς ῥητοῦς τινὰς περιγραφείσης ἤδη τῆς τοῦ αὐτοκράτορος ἀρχῆς [...] ἅπαν τοῦ τε πολιτικοῦ καὶ στρατιωτικοῦ συντάγματος διεφθорὸς ταῖς τοῦ Διογενεὺς θωπεΐαις. Komn. Alex. IX. 8.

³¹ См.: Komn. Alex. IX. 7–9.

как сообщается в «Алексиаде», произошел без ведома императора. Вероятно, Алексей не мог riskовать, совершая этот шаг публично³². Важно отметить, что Никифор вскоре получил назад большую часть своего имущества, что, безусловно, также становилось неким сигналом для тех, кто оставался сторонником Диогена³³.

Что касается многих других заговорщиков, то Алексей I и его советники решили «не расследовать их участие [...] из соображений безопасности, а скорее оказать на них положительное влияние посредством щедрого обращения с ними»³⁴. Анна косвенно намекает, что наказание в виде увечий могло распространиться на более широкие круги, указывая на то обстоятельство, что Алексей воздержался от этого шага, поскольку «у него не было достаточных сил для охраны такого количества людей, и, прежде всего, он не хотел, чтобы так много людей были изувечены»³⁵. Фразу «τῶν δ' ἄλλων οὐδεὶς τῆς οἰκείας μεθίστατο καταστάσεως, ἄλλ' ἐπὶ ταύτῳ ἅπαντες μεμενῆκεσαν» можно интерпретировать таким образом: либо что в конечном итоге никому не пришлось покидать свои посты, либо что никто не покинул свой дом и не был отправлен в изгнание³⁶. Хотя окончательного вывода сделать

³² К такому же выводу пришел и де Медейрос Публио Диас (*De Medeiros Publio Dias, J. V. A reação imperial a tentativas de usurpação e a percepção legal do rebelde no longo século XI bizantino (1025–1118)*, in: *Sociedad, cultura y religión en la plena Edad Media: siglos IX al XIII* / Ed. por V. Casamiquela Gerhold, A. Vanina Neyra. Buenos Aires, 2019. P. 123) который подчеркивает, что ослепление не являлось следствием вынесенного вердикта в ходе публичного судебного разбирательства.

³³ См.: Komn. Alex. IX. 9 и 10; Zonar. Epit. Hist. XVIII. 23, 11–13. О том, что Диогены продолжали оказывать влияние на войска, свидетельствует также тот факт, что вскоре после этого Псевдо-Лев Диоген пытался заручиться поддержкой в армии, а в 1106/7 г. Боэмунд во время своего вторжения на Балканы пытался убедить византийских воинов перейти на его сторону при помощи псевдо-Диогена. См.: *Cheyne, J.-Cl. Grandeur et décadence des Diogénai. P. 580; Cheyne, J.-Cl. Pouvoir et contestations à Byzance. P. 366 и No. 129.*

³⁴ τὰ δὲ γὰρ κατὰ τοὺς λοιποὺς ἀσφαλὲς ἐλογίσατο μὴδὲ εἰς ἐξέτασιν ἀγαγεῖν ὁλως, ἀλλὰ διὰ συμπαιδείας τούτους μᾶλλον καταμαλθαῖαι. Komn. Alex. IX. 8.

³⁵ ἀποχρῶσαν μὴ ἔχων δύναμιν ὥστε φρουρὰν πρὸς τοσοῦτους ἐπιστῆσαι, μήτε μὴν ἀκρωτηριάσαι λαὸν παμπληθῆ ἐθέλων [...]. Komn. Alex. IX. 9.

³⁶ См.: Komn. Alex. IX. 8.

нельзя, но публично объявленная в полевом лагере амнистия не вызывает сомнений и предполагает, что многие из людей, связанных с заговором, остались на своих постах.

Осторожная, минимально жесткая реакция на неподчинение в конечном итоге отражает неспособность Алексея I и его приближенных в глазах прежде всего войск не только удалить непосредственных зачинщиков, но и исключить другие потенциальные угрозы со стороны имеющегося политического и военного руководства³⁷. Что касается вовлеченных в заговор офицеров, то такая осторожность указывает на существование прочных связей внутри войск, в которые даже правитель империи и его сторонники не могли произвольно вмешиваться. Поэтому публичное объявление решения, ради которого правитель приказал «всем»³⁸ собраться в его шатре и вокруг него, свидетельствует о необходимости достижения консенсуса собравшейся политической и военной элиты, а также воинов, находившихся в лагере, которые таким образом становились коллективными соавторами решений относительно будущего своих военачальников³⁹.

Конечно, это был политический кризис, и его последствия выходили далеко за рамки обычных дисциплинарных мер в отношении проступков офицеров и рядовых воинов. Тем более эти события демонстрируют тесную взаимосвязь между придворно-политическими переговорами о власти и кадровыми решениями, затрагивающими военные структуры империи. Положение Алексея I как нового императора, захватившего власть путем узурпации и опирающегося на коалицию политических сторонников и родственни-

³⁷ Ж.-Кл. Шейне (*Cheyne J.-Cl. Pouvoir et contestations à Byzance*. P. 366) полагает, что поскольку Диогены имели столь влиятельную поддержку, «поэтому император не осмелился противостоять им силой».

³⁸ *Komn. Alex. IX*, 9. Можно предположить, что здесь в первых рядах находятся военачальники, подозреваемые офицеры, высокопоставленные родственники императора и представители двора.

³⁹ Г. Хацелис (*Chatzelis, G. Byzantine Military Manuals as Literary Works and Practical Handbooks: The Case of the Tenth-Century Sylloge Tacticorum*. London, 2019. P. 103–105) показывает, что в более ранних военных мятежах наказания часто ограничивались зачинщиками, и массовых наказаний рядовых воинов избегали, чтобы не подтолкнуть войска к сопротивлению (это относится к IX–XI вв.).

ков, создавало особую необходимость поддерживать консенсус среди своих ключевых партнеров и избегать отчуждения влиятельных группировок. Как отмечает де Медейрос Публио Диас, отношение Алексея к политическим мятежникам в целом характеризовались примирительным подходом, который отдавал предпочтение таким наказаниям, как ссылка и конфискация имущества, перед необратимыми телесными наказаниями (казнь, ослепление)⁴⁰. С этой политикой была связана и активно пропагандирующаяся Алексеем, да и императорами Комнинами вообще, приверженность человеколюбию (*philanthrōpia*) как особой добродетели⁴¹.

Продemonстрированное выше обращение с офицерами, участвовавшими в заговоре Диогена, следует рассматривать как следствие этой политической линии, которая чрезмерно жесткие меры против ключевых политических деятелей и их сторонников связывала с серьезными рисками. Участие социальной и политической элиты в военном руководстве империей, а также регулярные походы императора с представителями высшей аристократии и мобильного двора придавали военному лагерю дополнительное значение в качестве политического пространства. Это имело очевидные последствия в отношении дисциплинарных и карательных мер, применяемых к собранному в нем военному персоналу. И эти меры всегда должны были руководствоваться внутренними политическими соображениями⁴².

Однако даже за пределами военного лагеря действия правителя в отношении мятежных воинов были ограничены политическими факторами. Не менее взрывоопасная ситуация, чем заговор Диогена, возникла с так называемым «заговором Анемадов» на рубеже веков. И снова это был неудавшийся заговор, в котором участвовали

⁴⁰ De Medeiros Publio Dias, J. V. A reação imperial a tentativas de usurpação. P. 127–134.

⁴¹ Heher, D. In den Schuhen des Kaisers: Usurpationen und ihre Performanz im Byzantinischen Reich (10.–12. Jahrhundert). Stuttgart, 2024. S. 218, 222–223.

⁴² Это должно было характеризовать весь XII в. См., например, публичную коммуникацию между правителями и ведущими политическими деятелями в военном лагере во времена императора Мануила I (Schmidt, T. Armeeführung und Militäreliten in Byzanz, S. 183–191; 196–1205) и при Ангелах, когда даже смена правителя империи решалась в военном лагере (Schmidt, T. Armeeführung und Militäreliten in Byzanz. S. 290–295).

не только некоторые чиновники и представители знати из столицы, но и «первые среди военных»⁴³. Как и в случае с заговором Диогена, конкретные его обстоятельства его возникновения остаются неясными. Примерно в 1100 г. Михаил, Лев и двое других братьев Анемадов⁴⁴, имена которых Анна Комнина не называет, задумали убить Алексея I⁴⁵. Братьям удалось заручиться поддержкой важных представителей знати, среди них были Антиохи⁴⁶, Константин Эксазен Дука⁴⁷, Никифор Эксазен Гиалей⁴⁸, некий Куртикий⁴⁹, Никита

⁴³ τοῦ στρατιωτικοῦ καταλόγου πρωτεύοντες. Komn. Alex. XII, 5. Похоже Iōannēs Zōnaras, XVIII, 24. Число военнoслужаших среди заговорщиков, вероятно, превышало число гражданских чиновников. См.: Rózsza, M. Families behind a plot. 14.

⁴⁴ Они не упоминаются у Анны Комниной (Komn. Alex. XII. 5). Возможно, Анна намеревалась добавить эти имена позже. Ж.-Кл. Шейне (Cheynet, J.-Cl. Pouvoir et contestations à Byzance/ P. 101, прим. 3) считает, что Николай Анемад — один из этих людей. О братьях Анемадах см.: Rózsza, M. Families behind a plot. P. 15–16; Skoulatos, B. Les personnages byzantins.... P. 172, 200–202.

⁴⁵ Иоанн Зонара также сообщает об этом заговоре, но предоставленная им ограниченная информация подтверждает то, о чем сообщает Анна Комнина, см.: Komn. Alex. XII. 4–6; Zonar. Epit. Hist. XVIII. 24; см.: также: Шаландон, Ф. Алексей I Комнин: история правления (1081–1118). СПб., 2017. С. 277–278; Leib, B. Complots à Byzance contre Alexis I Comnène (1081–1118), in: *Byzantino-slavica*. Т. 23. 1962. P. 250–275.; Cheynet, J.-Cl. Pouvoir et contestations à Byzance, P. 130, 98f, 100f, 365–369; Gerhold, V. Empereur, Église et aristocratie laïques enjeux politiques dans la consolidation dynastique des Comnènes, in: *Erytheia: Revista de estudios bizantinos y neogriegos*. 2016. No. 37. P. 55–125 p. 58; Magdalino, P. The Empire of Manuel I Komnenos. P. 203; Malamut, E. Alexis Ier Comnène. Paris, 2007. P. 119–122, 301–307; Skoulatos, B. Les personnages byzantins.... P. 200–202.

⁴⁶ Об Антиохах см.: Skoulatos, B. Les personnages byzantins.... P. 25–27; Gautier, P. Le synode des Blachernes (fin 1094). Etude prosopographique, in: *Revue des études byzantines*. 1971. Т. 29. P. 250f, 257f.

⁴⁷ О Константине Эксазене Дуке см.: Polemis, D. The Doukai: A Contribution to Byzantine Prosopography. London, 1968. P. 119; Skoulatos, B. Les personnages byzantins.... P. 65f.

⁴⁸ О Никифоре Эксазене Гиалее см.: Skoulatos, B. Les personnages byzantins.... P. 65f.

⁴⁹ В. Скулатос отождествляет этого Куртикия с Василием Куртикием, военачальником, часто упоминаемым Анной Комниной в описаниях походов её отца. Поскольку Анна Комнина просто называет мятежного Куртикия «неким Куртикием (Κουρτίκιος τις)», это отождествление вызывает сомнения. Skoulatos, B. Les personnages byzantins. P. 43–46.

Кастамонит⁵⁰, Георгий Васибеки⁵¹, Иоанн Соломон⁵², некий Склир⁵³ и некий Ксир⁵⁴, бывший епарх Константинополя. По словам Анны Комниной, Соломона убедили участвовать в заговоре, пообещав ему провозглашение императором, однако затем обманули его. Зачинщики жаждали завладеть его ресурсами, поскольку он был чрезвычайно богат. Однако он начал вести себя как император, обещая титулы и должности в надежде получить поддержку. Узнав об этом, Анемады почувствовали себя вынужденными ускорить реализацию своих планов и решили совершить убийство во дворце. Но прежде чем заговорщики смогли осуществить задуманное, Алексей был о нем проинформирован. Поэтому он приказал привести во дворец Георгия Васибеки и Иоанна Соломона для их допроса. Соломон сначала отрицал обвинения, но когда севастократор Исаак Комнин пригрозил ему пытками, он сдался и назвал имена остальных участников заговора. У Соломона и других было конфисковано имущество, и они были сосланы. Более того, зачинщиков и братьев Анемадов публично выставили напоказ в Константинополе и приговорили к ослеплению. Последнее наказание не было приведено в исполнение благодаря вмешательству императрицы Ирины Дукины и Анны Комниной. Михаил Анемад содержался под арестом в башне неподалеку от дворца.

Вполне возможно, что сами конфликты возникли вследствие соперничества внутри коалиции вокруг Алексея I, инициирован-

⁵⁰ О Никите Кастамоните см.: *Gautier, P. Le synode des Blachernes*. P. 257; *Skoulatos, B. Les personnages byzantins....* P. 249f.

⁵¹ О Георгии Васибеки см.: *Gautier, P. Le synode des Blachernes*. P. 256; *Skoulatos, B. Les personnages byzantins de l'Alexiade*. P. 93.

⁵² Об Иоанне Соломоне см.: *Skoulatos, B. Les personnages byzantins....* P. 154f.

⁵³ О Склире см.: *Skoulatos, B. Les personnages byzantins....* P. 301. П. Готье считает, что, возможно, упомянутый Склир — это Андроник Склир, фигурирующий в списках Синода во Влахернах. *Gautier, P. Le synode des Blachernes*. p. 245; *Seibt, W. Die Skleroi. Eine Prosopographisch-sigillographische Studie*. Wien, 1976. S. 105f.

⁵⁴ О Ксире см.: *Cheyne, J.-Cl. Les Xèroi, administrateurs de l'Empire*, in: *Studies in Byzantine Sigillography*. 2012. Vol. 11. P. 20; *Skoulatos, B. Les personnages byzantins*. P. 301f.

ного фракцией Дук⁵⁵. К тому же возможна напряженность между родственниками императора и его политическими партнерами, а также представителями элиты, которые видели угрозу своему существующему положению со стороны новой власти⁵⁶. Ещё одним вполне возможным мотивом было недовольство тем, что военные уделяют основное внимание Западу⁵⁷.

Состоялись допросы и были вынесены приговоры⁵⁸. В качестве главы заговора Михаил Анемад был подвергнут публичному позорному шествию в Константинополе, по окончании которого его и его последователей должны были ослепить⁵⁹. Однако после настойчивой мольбы Анны Комниной и ее матери Ирины Дукины

⁵⁵ М. Рожа (*Rózsza, M. Families behind a plot. P. 20*) предполагает причастность Иоанна Дуки, чья карьера после 1100 г. практически неизвестна, или людей из его окружения. Это указывает на сохраняющуюся напряженность между фракциями Дук и Алексеем I. Заметим, что оба Диогена были связаны с императорской ветвью Дук, и что сообщник Анемадов, Константин Эксазен, также имел связи с Дуками.

⁵⁶ В. Зайбт (*Seibt, W. Die Skleroi. S. 105*) считает, что Склиры чувствовали себя «несправедливо маргинализированными в результате сильного фаворитизма, проявляемого ко всем членам большого рода Комнинов». М. Рожа (*Rózsza, M. Families behind a plot. P. 11, 21–28*) подчеркивает вовлечение в заговор знатных семей второго эшелона (Антиохов, Склиров, Ксиров, Соломонов). Де Медейрос Публио Диас (*De Medeiros Publio Dias, J. V. The Political Opposition to Alexios I Komnenos. P. 167–168*) видит источник недовольства в отмене права на получение ежегодной рогги для обладателей придворных титулов.

⁵⁷ Ж. Кл. Шейне (*Cheyne, J.-Cl. Pouvoir et contestations à Byzance. P. 367*) полагает, что семьи из Малой Азии выступали против ориентированной на Запад военной политики Алексея I. Однако происхождение из Малой Азии относится не ко всем участникам заговора (Василаки были из Фракии, Соломон и Склир, вероятно, были связаны с центральной администрацией). Де Медейрос Публио Диас (*De Medeiros Publio Dias, J. V. The Political Opposition to Alexios I Komnenos. P. 162–163, 167*) утверждает, что оппозиция существовала потому, что Алексей лишь наполовину поддерживал крестоносцев и поэтому не воспользовался возможностью для экспансии на восток.

⁵⁸ Komn. Alex. XII. 6.

⁵⁹ О традиции позорных шествий в Византии см.: Морозов, М. А. Позорные шествия в Константинополе X–XII вв. как элемент инсценировки торжества над неудачливым узурпатором, см.: в: *Профессору Юрию Владимировичу Кривошееву ко дню семидесятилетия* / под ред. А. В. Логутовой и Н. В. Штыкова. СПб., 2025. С. 45–66; Heher, D. In den Schuhen des Kaisers. S. 222, где прямо упоминаются Анемады.

Алексей I проявил милосердие и в последний момент приостановил наказание⁶⁰. Иоанн Зонара также сообщает, что императорский указ, прибывший только во время публичного шествия, отменил приговор об ослеплении⁶¹.

Если эти драматические рассказы рассматривать в контексте обращения с известными соучастниками заговора, то данное Анной объяснение спонтанной перемены в настроении императора оказывается довольно неправдоподобным. Не только сам Анемад был помилован, но и два Эксазена, Никифор и Константин, несмотря на предполагаемое изгнание заговорщиков и конфискацию их собственности, вскоре возвратились на высокие военные посты империи. В 1107 г. они командовали сухопутными войсками под общим командованием великого дуки Исаака Контостефана, когда тот организовал нападение на Отранто. Чуть позже они вместе с ним обеспечили безопасность южной части Адриатики от вторжения норманнов Боэмунда⁶². Когда Анна далее замечает, что ее вмешательство в дела Алексея произошло не только из жалости к Анемаду, но и вследствие заботы «ради самодержца, чтобы он не потерял таких [добрых?] воинов»⁶³, то это можно рассматривать как указание на то, что, помимо упомянутых по имени, другие подозреваемые военачальники, о судьбе которых источники ничего не сообщается, также сохранили свои командные должности.

Сравнивая этот вывод с реакцией на заговор вокруг Никифора Диогена, нельзя отделаться от впечатления, что Алексей I и его советники снова уклонились от окончательного смещения с должностей большого числа влиятельных военных деятелей⁶⁴. Вновь

⁶⁰ Komn. Alex. XII. 6. Точно неизвестно, кого именно следовало ослепить, и включали ли в это число также Эксазена, Куртикия и других.

⁶¹ Zonar. Epit. Hist. XVIII. 24.

⁶² Komn. Alex. XII. 8 и XIII. 1. Никифор уже командовал войсками в Малой Азии в 1080-х гг. и был дукой Смирны. См.: *Schmidt, T. Armeeführung und Militäreliten in Byzanz*. Приложение I.

⁶³ ἐκηδόμεθα γὰρ τῶν ἀνδρῶν τοῦ αὐτοκράτορος χάριν [...] μὴ τοιοῦτων ἀποστεροῖτο στρατιωτῶν, [...]. Komn. Alex. XII. 6.

⁶⁴ То же самое, кстати, относится и к некоторым известным должностным лицам в администрации, участвовавшим в инциденте, которые, по всей видимости, не понесли никакого долгосрочного наказания. См.: *Rózsza, M. Families behind a plot*. P. 21–28.

становятся очевидными политически мотивированные ограничения, требующие от правителя осторожности и сосредоточенности на компромиссах и коммуникации при отношении к (предполагаемой) оппозицией внутри институтов власти, и особенно в войсках. В этом контексте история вмешательства Анны и императрицы Ирины представляется постановочным действием, призванным представить помилование Алексеем I заговорщиков как его собственное свободное решение, а не как ретроспективную отмену санкций против влиятельных лиц в армии и гражданской администрации.

Таким образом, как заговор Диогена, так и заговор Анемадов проливают свет на возможности и границы, с которыми сталкивалась власть в своем отношении к несогласным военным и представителям гражданской администрации. Оба рассказа Анны Комниной определенно демонстрируют узкий круг последствий в отношении кадровой политики, которая, хотя и позволяла изолировать и исключать отдельных лиц из военного аппарата, но влекла за собой высокие издержки и риски при организации более масштабных карательных мер. Эти издержки включали в себя потенциальную возможность дальнейших беспорядков внутри властных структур, скрепленных сетями взаимоотношений, а также раскол в политической коалиции, на которой зиждилось правление Алексея, и недостатки, которые возникли бы в результате отказа от опытных представителей знатных семейств во времена постоянных военных кризисов. Следовательно, правительство Алексея I было более склонно предоставлять амнистии и вторые шансы, когда это было возможно.

Многочисленные публичные позорные шествия, во время которых вели главных заговорщиков, зафиксированные в этом контексте, можно рассматривать как более мягкую альтернативу телесным наказаниям и как средство публичной дискредитации зачинщиков мятежа в глазах их сторонников. Это очевидно в случае с Анемадами. После предполагаемого заговора высших военных Константина Умбертопула и Аривы в 1090-х гг. зачинщики также подверглись публичному позорному шествию, при этом Анна вновь прямо заявляет, что «наказания, предписанные законом» (увечьё? смертная казнь?) в отношении них не применялись⁶⁵. Аналогично,

⁶⁵ τῶν ἐκ τῶν νόμων ποινῶν τοῦ αὐτοκράτορος σχολῇ παντελῇ καταψηφισαμένου. Komn. Alex. VIII. 7.

в случаях с Диогеном и Анемадами, по-видимому, по крайней мере официально, от наказаний в виде увечий или казни, рассматриваемых в источниках как возможные меры наказания, воздерживались.

Помимо возможности переназначения опытных офицеров впоследствии на военные посты, это нежелание, вероятно, было связано с фундаментальными отношениями правителя с военной и политической элитой. Эти отношения просто не позволяли применять такие карательные меры. Если же применялись радикальные меры, такие как ослепление опасных организаторов заговоров или мятежей, то это определенно являлось попыткой избежать возложения на правителя прямой ответственности. История о предполагаемом «случайном» увечье Диогена является тому подтверждением.

В этом контексте уместно рассмотреть характер отношений власти с подданными, и прежде всего с социальной элитой Восточной империи. В связи с этим необходимо поставить вопрос о природе самой верховной власти. Исследования западноевропейского средневековья показали, что символическая коммуникация предлагает нам гораздо больше для понимания функционирования власти, чем просто перечень происходивших политических процессов. Ее изучение позволяет сделать выводы о том, как функционирует и мыслит общество, а также понять моральные условности и политические правила игры. Если в отношении Византийской империи этот исследовательский аспект, как правило, рассматривают несколько иначе⁶⁶, то это в первую очередь отражает дефицит собственно исследований византийской специфики властных отношений. Византинисты хотя и изучали тщательно продуманные придворные церемонии на протяжении всего существования империи, лишь недавно обратили внимание на особенности символической коммуникации и связанных с ней ритуалов⁶⁷. Формирование и распад власти, ее

⁶⁶ См. особенно: Tounta, E. *Usurpation, acceptance and legitimacy in medieval Europe: An analysis of the dynamic relations between ritual structure and political power*, in: *Ritual and the science of ritual III: State, power, and violence* / Ed. G. Schwedler, E. Tounta. Wiesbaden, 2010. S. 447–473, особ. S. 466.

⁶⁷ При этом следует отметить, что в западноевропейской медиевистике, прежде всего немецкоязычной, уже ставится вопрос о коммуникативных отношениях между властью и обществом (элитой). По этому поводу см. концептуальную статью Б. Шнайдемюллера о «консенсуальном правлении» на основе, в первую очередь, германского материала: *Schneidmüller, B.*

притязание и легитимация всегда происходили через отображаемые символические действия, как в момент их осуществления, так и — ретроспективно — через призму того, как они описываются в повествовательных источниках. Эта связь между реальными событиями и письменной традицией требует одновременно социологического подхода и критического изучения литературных произведений и их авторов. К тому же взгляд на политическую сцену по-прежнему позволяет заглянуть за кулисы игры во власть в Византии.

На содержательном уровне прежде всего необходимо четко разграничить идеологические основы Византийской империи и практические аспекты преемственности власти. При этом важно учитывать соотношение сил между двором и провинцией, центральной администрацией и константинопольской и провинциальной элитой, в нашем случае в конце XI в. В этом отношении представляется перспективным заново подойти к такой очень важной проблеме для византийской монархии, как узурпация престола, с точки зрения признания нового правления подданными. Признание узурпаторов в Восточной империи нельзя объяснить простым раболепием подданных, оппортунизмом или страхом, и, хотя победители в игре за власть стремились как можно быстрее заполнить ключевые административные посты своими сторонниками, сама по себе эта частичная реструктуризация не может объяснить успеха самой узурпации. Смена правителя, вызванная силой, возможно, всегда рассматривалась критически, но она была с самого начала присуща Византийскому государству, а политическая доктрина, безусловно, позволяла тирану превратиться в законного автократора⁶⁸. Даже если не заходить так далеко, чтобы приписывать узурпации квази-конституционную функцию, как это в свое время делал Г. Г. Бек⁶⁹, все равно нет сомнений в том, что политическая система Византии являлась достаточно гибкой как по своей иде-

Konsensuale Herrschaft. Ein Essay über Formen und Konzepte politischer Ordnung im Mittelalter, in: *Reich, Regionen und Europa in Mittelalter und Neuzeit. Festschrift für Peter Moraw* / Hrsg. P.-J. Heinig; S. Jahns und al. Berlin, 2000. S. 53–87.

⁶⁸ Sturaitis, Y. Civil War in the Christian Empire, in: *A Companion to the Byzantine Culture of War, ca. 300–1204* / Ed. Yannis Stouraitis. Leiden; Boston, 2018. P. 92–123.

⁶⁹ Beck, H.-G. *Res Publica Romana. Vom Staatsdenken der Byzantiner* (Sitzungsberichte der Philosophisch-Historischen Klasse der Bayerischen Akademie der Wissenschaften 1970/2). München, 1970.

ологии, так и в практическом функционировании правительства в Константинополе, чтобы давать ответ на регулярное ее обновление со стороны узурпаторов⁷⁰. До тех пор, пока спор о престоле не приводил к затяжным гражданским войнам, империя не погружалась в хаос, а сама форма правления, которая являлась Богом данной, вообще не подвергалась сомнению⁷¹. С другой стороны, человек, занимавший императорский престол, конечно, вполне мог подвергаться критике за неспособность править. Само собой разумеется, что во время борьбы за престол узурпаторы осуждали некомпетентность или несправедливость нынешнего правителя. После успешного переворота те же аргументы служили хорошей основой для моральной легитимации самого переворота⁷².

Совсем не нужно, как это делают Г. Г. Бек и недавно также А. Калделлис, выводить из этого квази-конституционное «право на сопротивление» народа императору, которое скорее нужно рассматривать как наследие римской государственной традиции⁷³.

⁷⁰ См.: Szidat, J. *Usurpator tanti nominis. Kaiser und Usurpator in der Spätantike* (337–476 n. Chr.). Stuttgart, 2010. S. 13–16; Flaig E. Für eine Konzeptionalisierung der Usurpation im spätrömischen Reich, in: *Usurpationen in der Spätantike. Akten des Kolloquiums ‚Staatsstreich und Staatlichkeit‘*, 6.–10. März 1996, Solothurn, Bern / Hrsg. von F. Paschoud, J. Szidat. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1997. S. 19, прим. 15.

⁷¹ Cp.: Sturaitis, Y. *Civil War in the Christian Empire*. P. 100–101.

⁷² Cheynet, J.-Cl. *Se révolter légitimement contre le «Basileus?»*, in: *Revolte und Sozialstatus von der Spätantike bis zur Frühen Neuzeit* / Hrsg. von P. Depreux. München, 2008. S. 57–73. Из собранных там примеров также становится ясным, что «несправедливость», приписываемую императору, в большинстве случаев следует понимать не через призму нравственной нормы, как преступление против своего народа, а скорее, как субъективно воспринимаемую неблагодарность, которая приводила к узурпации власти более достойными личностями.

⁷³ Beck, H.-G. *Senat und Volk von Konstantinopel. Probleme der byzantinischen Verfassungsgeschichte* (Sitzungsberichte der Philosophisch-Historischen Klasse der Bayerischen Akademie der Wissenschaften 6). München, 1966. S. 38–51. Предположение Бека о конституционном праве смещения сенатом и народом основано на ритуальном характере некоторых смещений с должности: «Император становится императором путем одобрения, εὐφημία... Противоположностью этому является δυσφημία, и почти церемониальное его использование, по-видимому, «наводит на мысль, что категоричный способ его использования юридически обязателен для намерений тех, кто его использует» (Beck, H.-G. *Senat und Volk von Konstantinopel*. S. 41). О «конституционном» подходе Бека см. также: Beck, H.-G. *Res Publica Romana*. Vom

То, что нарушение моральных, религиозных или других традиционных границ может быть использовано в качестве аргумента для свержения правящего императора, не подлежит сомнению⁷⁴. Но это не предполагает наличие системного механизма, который можно было бы активировать в любой момент. Принципиальное признание насильственной смены носителей власти коренилось в природе Римской империи. Оно с самого начала находилось за пределами ее «конституции» и не содержало какого-либо регулирования процесса отбора претендента и наследования престола⁷⁵. Различия между идеологическим наследием Римского принципата (а, следовательно, и республики), с одной стороны, и наследием эллинистических царств, с другой, можно было преодолеть только на теоретическом уровне с помощью концепции, согласно которой византийский император получал свою легитимацию с одной стороны, вследствие «согласия» (*consensus*) своих подданных, с другой стороны, на основе воли Всевышнего. Причем акцент на том или ином факторе в повествовательных источниках значительно варьировался в зависимости от позиции автора, литературного жанра и конкретной ситуации⁷⁶. Теоретически на престол мог претендовать любой взрослый мужчина — православный христианин. Хотя теоретические основания для смены монарха на престоле

Staatsdenken der Byzantiner (Sitzungsberichte der Philosophisch-Historischen Klasse der Bayerischen Akademie der Wissenschaften 1970/2). München, 1970.

Kaldellis, A. The Byzantine republic. People and power in New Rome. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 2015. Справедливую критику тезисов А. Калделлиса можно найти у Дж. Хэлдона (*Haldon, J.* Res publica Byzantina? State formation and issues of identity in medieval east Rome, in: *Byzantine and Modern Greek Studies*. 2016. Vol. 40. P. 4–16) и у И. Стурайтиса (*Sturaitis, I.* Civil War in the Christian Empire. P. 102–103).

⁷⁴ Cheynet, J.-Cl. Se révolter légitimement contre le «Basileus?». P. 72.

⁷⁵ Szidat, J. Usurpator tanti nominis. S. 43–45, 361–362.

⁷⁶ Pertusi, A. Insigne del potere sovrano e delegato a Bisanzio e nei paesi di influenza bizantina, in: Simboli e simbologia nell'alto medioevo, 3–9 aprile 1975, II (= Settimane di studio del Centro Italiano di Studi sull'Alto Medioevo 23). Spoleto, 1976. P. 481–568, оco6. C. 491–496; cp.: Beihammer, A. Comnenian imperial succession and the ritual world of Niketas Choniates' chronike diegesis, in: *Court ceremonies and rituals of power in Byzantium and the Medieval Mediterranean. Comparative perspectives* / Ed. A. Beihammer, St. Constantinou, M. Parani. Leiden; Boston, 2013. P. 159–162.

и не являлись конкретными, в действительности она предполагала гибкий подход: новый император был обязан своим положением иногда провозглашению своим предшественником, иногда браку, иногда «согласию» (*consensus*) элиты (хотя для этого не имелось никакого избирательного органа, встроенного в институт управления⁷⁷), иногда военной силе. Однако в большинстве случаев некоторые из этих элементов переплетались⁷⁸.

Высокая частота таких потрясений не привела ни к разработке эффективных контрмер, ни к краху самой политической системы, а даже неуклонно поддерживалась императорской идеологией. Моммзен даже считал римский принципат «автократией, сдерживаемой законной перманентной революцией», которую из-за отсутствия институциональной легитимации следует считать не продолжающейся монархией, а, скорее, формой правления, устанавливаемой заново при каждом правителе. По определению узурпатор не мог являться незаконным претендентом на верховную власть⁷⁹. Э. Флайг ослабляет постулат Моммзена тем, что форма правления в виде монархии сама по себе могла считаться «легитимной», но что конкретные императоры были обязаны своей возможностью править только признанием этой возможности со стороны соответствующих «конституционных групп» (сената, народа, войска)⁸⁰. Такая «система признания», согласно Э. Флайгу, всегда благоприятствует смене правителей узурпаторами, которая в его работах появляется лишь как политологическая категория, отделенная от

⁷⁷ Даже круг советников императора в рассматриваемый период определяется не в качестве института, а скорее представлял собой условный набор конкретных лиц: *Kyritses, D.* The imperial council and the tradition of consultative decision-making in Byzantium (eleventh to fourteenth centuries), in: *Power and subversion in Byzantium. Papers from the Forty-third Spring Symposium of Byzantine Studies*, University of Birmingham, March 2010 / ed. D. Angelov, M. Saxby. Farnham et al., 2013. P. 57–69.

⁷⁸ О возможностях наследования см.: *Morris, R.* Succession and usurpation: Politics and rhetoric in the late tenth century, in: *New Constantines. The rhythm of imperial renewal in Byzantium, 4th–13th Centuries* / Ed. P. Magdalino. London, 1994. P. 202–203, каждый с примерами из X в.

⁷⁹ *Mommsen, Th.* Römisches Staatsrecht. Leipzig 1887. Bd. II, Th. 2. S. 842, 1133.

⁸⁰ *Flaig, E.* Für eine Konzeptionalisierung der Usurpation... S. 15–16.

вопроса о легитимности притязаний на престол. Существование династического принципа отрицается тем более, что наследование было возможно при сильной позиции императора, но не удавалось в случае вызова, т. е. узурпации. По мнению Э. Флайга, в римской системе признания верховной власти не имелось конкретных процедур, которые обеспечивали бы правителю легитимность в смысле неприкосновенной власти управлять. Поэтому одобрения (аккламации) могли играть в легитимации нового правителя не меньшую роль, чем правильно проведенная его интронизация⁸¹.

В византийский период империя по-прежнему базировалась на принципе признания или консенсуса, унаследованного от Древнего Рима, но приобрела также религиозное оправдание. Идеологической основой императорской власти на протяжении всей византийской истории оставалась обозначенная при Константине Великом концепция императора как человека, избранного христианским Богом в качестве правителя христианского мира (= империи) и подобного ему по своей власти на земле, но все же явно подчиненного ему⁸². Божественное предопределение проявлялось в элементах изысканных придворных церемоний и литургической коронации, с одной стороны, и в религиозном преображении власти — с другой. Однако созданные таким образом стратегии легитимировали лишь саму империю, но не человека, который ею правил. Более того, возмущавшее христианское прославление империи мало что сделало для изменения терпимости к узурпации как мыслимой политической категории. Власть императора ни в коем случае не была абсолютной, и его положение никогда не было неприкосновенным⁸³. Это кажущееся несоответствие Э. Арвайлер пыталась объяснить двумя основными принципами византийской мысли: божественная воля к порядку (*taxis*), возможно, проявлялась в земных отношениях к власти, но *oikonomia*, безусловно, по необходимости допускала изменения и обход этого *taxis*. Победу узурпатора

⁸¹ Flaig, E. Für eine Konzeptionalisierung der Usurpation..., S. 17–20.

⁸² Treitinger, O. Die oströmische Kaiser- und Reichsidee nach ihrer Gestaltung im Zeremoniell. Vom oströmischen Staats- und Reichsgedanken. Darmstadt: Gentner Verlag, 1956.

⁸³ Cheynet, J.-Cl. Se révolter légitimement contre le «Basileus»? P. 72.

можно было интерпретировать как знак нового порядка, инициированного и санкционированного Богом⁸⁴.

С хронологической точки зрения примечательно, что основные акты неповиновения Алексею I и его правительству, в которых участвовали многочисленные военные деятели, происходили в 1090-х гг. Одно из объяснений их возобновления в этот период, как уже предположил Ж.-К. Шейне, может заключаться в завершении военных кризисов 1080-х и начала 1090-х гг., которые, возможно, ранее привели к своего рода перемирию⁸⁵. Только после их разрешения вновь всплыли на поверхность скрытые линии конфликта, начиная от вражды внутри императорской свиты и конкуренции внутри высшей элиты империи до недовольства по поводу надлежащей военной стратегии.

Тот факт, что, за исключением заговора братьев Ааронов в 1107 г., после рубежа веков не зафиксировано крупных попыток государственного переворота, вполне может быть объяснен более поверхностным освещением событий основным источником, Анной Комниной, в этот период⁸⁶. Однако существуют и веские аргументы, объясняющие это прекращение. Можно предположить, что Алексей I постепенно укреплял свою власть внутри страны и был признан значительной частью военной и гражданской элиты, в то время как существовавший конфликтный потенциал уже был реализован в ходе более ранних мятежей, а внутренние конфликты, например, с частью семейства Дук, были урегулированы к рубежу

⁸⁴ Ahrweiler, H. L'idéologie politique de l'empire byzantin. Paris, 1975. P. 136–138, S. 144–145; Tounta, E. Usurpation, acceptance and legitimacy in medieval Europe. P. 456; ср.: Stouraitis, Y. Bürgerkrieg in ideologischer Wahrnehmung durch die Byzantiner (7.–12. Jahrhundert): Die Frage der Legitimierung und Rechtfertigung, in: Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik. 2010. Bd. 60. S. 155. Таисов все не необходим в качестве легитимизирующего «промежуточного шага».

⁸⁵ См.: Cheynet, J.-Cl. Pouvoir et contestations à Byzance. P. 90–100 и 362, замечание о том, что подобные заговоры обычно происходили после крупных побед.

⁸⁶ См.: Cheynet, J.-Cl. Pouvoir et contestations à Byzance, No. 132. P. 102. В соответствии с трактовками некоторых исследователей, заговор Анемадов, возможно, также имел место в начале XII в.

веков⁸⁷. Кроме того, особенно в отношении военной элиты, кампании в Малой Азии, производившиеся в начале XII в., возможно, удовлетворили требования к новой восточной политики. Помимо этого, брачная политика постепенно привела к укреплению связей между правящим домом и ведущими военными и политиками. Тем не менее, это укрепление мало что изменило в том, что отстранение влиятельных военных от командных должностей и, при необходимости, их наказание всегда оставались проблематичным делом для носителя власти. Потенциальные угрозы со стороны властной элиты империи оставались актуальными и при преемниках Алексея и могли быть сдержаны только процессом взаимодействия и коммуникации между правящим императором и его подданными. Необходим был консенсус властной элиты в поддержке власти даже в период династического правления Комнинов.

Информация о статье

Морозов, М. А. Заговоры 90-х гг. XI в. в Византии и вопросы коммуникации власти и элиты (проблема консенсуса), В кн.: *Proslogion: Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени*. 2026. Вып. 9(1). С. 32–62.

Максим Анатольевич Морозов, канд. ист. наук, главный библиотекарь, Научная библиотека им. М. Горького, Санкт-Петербургский государственный университет (199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9)

УДК 183 94(569.4).034

m.morosov@spbu.ru

В 1081 г. между будущим императором Алексеем I Комнином и некоторыми представителями высшей элиты Византии существовала определенная сплоченность. Однако молодой Комнин обладал лучшими связями в столице, чем в войсках. Таким образом, перед ним стояла задача, которую с переменным успехом приходилось решать и другим правителям, захватывавшим власть в Константинополе в XI в. Это формирование договоренностей с военной и гражданской элитой, которая создавала на местах и в столице различные сети патронажа и клиенты. Возможности действий при назначении на военные и административные должности предопределя-

⁸⁷ См. подробно: *De Medeiros Publio Dias, J. V. The Political Opposition to Alexios I Komnenos*, P. 162–163, 167.

лись как формированием политических союзов, так и наличием имевшихся под рукой руководящих кадров. Возможности Алексея в области кадровой политики были сильно ограничены, особенно в первые десятилетия, и логика включения основных представителей социально-политической элиты частично противоречила логике эффективного контроля над военной знатью и иерархией чинов. Проблема становится особенно очевидной, если мы обратим внимание на последствия двух серьезных заговоров 90-х гг. XI в.: так называемого заговора Никифора Диогена около 1094 г. и заговора братьев Анемадов на рубеже веков. Потенциальные угрозы со стороны властной элиты империи оставались актуальными и могли быть сдержаны только процессом взаимодействия и коммуникации между правящим императором и его подданными. Необходим был консенсус властной элиты в поддержке императора даже в период династического правления Комнинов.

Ключевые слова: Комнины, элита, династии, военная знать, иерархия чинов, Никифор Диоген, Анемады

Information on the article

Morozov, M. A. Conspiracies of the 90s of the 11th century in Byzantium and issues of communication between the authorities and the elite (the problem of consensus), in: Proslogion: Studies in Medieval and Early Modern Social History and Culture. 2026. Vol. 9(1). P. 32–62.

Maxim Anatoljevich Morozov, Doctor of History, Senior Librarian, Gorkiy's Scientific Library, Saint Petersburg State University (199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya nab., 7/9)

m.morosov@spbu.ru

In 1081, a certain cohesion existed between the future Emperor Alexios I Comnenus and certain members of the Byzantine elite. However, the young Comnenus possessed better networks in the capital than in the army. Thus, he faced a task that other rulers who seized power in Constantinople in the 11th century had to face with varying degrees of success: forming agreements with the military and civilian elite, which had established various patronage and clientel networks both locally and in the capital. Appointments to military and administrative positions were determined by both the formation of political alliances and the availability of available leadership cadres. Alexios's options for personnel selection were severely limited, especially in the first decades, and the logic of incorporating key representatives of the socio-political elite partially contradicted the logic of effective control over the military nobility and the hierarchy of ranks. The problem becomes especially clear when we consider the consequences of two major conspiracies in the 1090s: the so-called conspiracy of Nicephorus Diogenes around 1094 and the conspiracy of the Ane-

mades brothers at the turn of the century. Potential threats from the empire's ruling elite remained a pressing concern and could only be contained through interaction and communication between the ruling emperor and his subjects. A consensus among the ruling elite in support of the emperor was essential, even during the dynastic rule of the Comnenos.

Key words: Comnenos, elite, dynasties, military nobility, hierarchy of ranks, Nicephorus Diogenes, Anemades

Список источников и литературы / References

Анна Комнина. Алексиада / Пер. с греч. Я. Н. Любарского. СПб., 1996. *Anna Komnina. Aleksiada [Aleksiad] / Per. s grech. YA. N. Lyubarskogo. St. Petersburg, 1996. (in Russian)*

Дагрон, Ж. Император и священник: этюд о византийском «цезарепапизме». СПб., 2010. *Dagron, G. Imperator i svyashchennik: etyud o vizantiyskom «tsezarepapizme» [The Emperor and the Priest: a study of Byzantine «Caesarepapism»]. St. Petersburg, 2010. (in Russian)*

Каждан, А. П. Социальный состав господствующего класса Византии одиннадцатого – двенадцатого вв. М., 1974. *Kazhdan, A. P. Sotsial'nyy sostav gospodstvuyushchego klassa Vizantii odinnadtsatogo – dvenadtsatogo vv. [The social composition of the ruling class of Byzantium in the eleventh and twelfth centuries.] Moscow, 1974. (in Russian)*

Морозов, М. А. Позорные шествия в Константинополе X–XII вв. как элемент инсценировки торжества над неудачливым узурпатором, В кн.: *Профессору Юрию Владимировичу Кривошееву ко дню семидесятилетия* / Под ред. А. В. Логутовой и Н. В. Штыкова. СПб., 2025. С. 45–66. (in Russian)

Morozov, M. A. Pozornyye shestviya v Konstantinopole X–XII veka kak element instsenirovki torzhestva nad neudachlivym uzurpatora [Shameful processions in Constantinople of the X–XII centuries. as an element of staging a triumph over an unsuccessful usurper], in: *Professoru Yuriyu Vladimirovichu Krivosheyevu ko dnyu semidesyatiletia* / Pod red. A. V. Logutovoy i N. V. Shtykova. St. Petersburg, 2025. S. 45–66. (in Russian)

Шаландон, Ф. Алексей I Комнин: история правления (1081–1118). СПб., 2017. *Shalandon, F. Aleksey I Komnin: istoriya pravleniya (1081–1118) [Alexios I Komnenos: The History of his Reign (1081–1118)]. St. Petersburg, 2017. (in Russian)* *Ahrweiler, H. L'idéologie politique de l'empire byzantin. Paris, 1975.*

Annae Comnenae Alexias, I: Prolegomena et textus / rec. D. R. Reinsch, Ath. Kambylis. Berlin; New York, 2001.

Beck, H.-G. Res Publica Romana. Vom Staatsdenken der Byzantiner (Sitzungsberichte der Philosophisch-Historischen Klasse der Bayerischen Akademie der Wissenschaften 1970/2). München, 1970.

Beck, H.-G. Senat und Volk von Konstantinopel. Probleme der byzantinischen Verfassungsgeschichte (Sitzungsberichte der Philosophisch-Historischen Klasse der Bayerischen Akademie der Wissenschaften 6). München, 1966.

Beihammer, A. Comnenian imperial succession and the ritual world of Niketas Choniates' chronike diegesis, in: *Court ceremonies and rituals of power in Byzantium and the Medieval Mediterranean. Comparative perspectives* / Ed. A. Beihammer, St. Constantinou, M. Parani. Leiden; Boston, 2013. P. 159–202.

Chatzelis, G. Byzantine Military Manuals as Literary Works and Practical Handbooks: The Case of the Tenth-Century Sylloge Tacticorum. London, 2019.

Cheyne, J.-Cl. Les Xèroi, administrateurs de l'Empire, in: *Studies in Byzantine Sigillography*. 2012. Vol. 11. P. 1–34.

Cheyne, J.-Cl. Pouvoir et contestations à Byzance (963–1210) (*Byzantina Sorbonensia* 9). Paris, 1990.

Cheyne, J.-Cl. Se révolter légitimement contre le „Basileus? in: *Revolte und Sozialstatus von der Spätantike bis zur Frühen Neuzeit* / Hrsg. von P. Depreux. München, 2008. S. 57–73.

Cheyne, J.-Cl. Grandeur et décadence des Diogénai, in: *La société byzantine*. Paris, 2008. Vol. 2. P. 563–581.

De Medeiros Publio Dias, J. V. A reação imperial a tentativas de usurpação e a percepção legal do rebelde no longo século XI bizantino (1025–1118), in: *Sociedad, cultura y religión en la plena Edad Media: siglos IX al XIII* / Ed. por V. Casamiquela Gerhold, A. Vanina Neyra. Buenos Aires, 2019. P. 111–137.

De Medeiros Publio Dias, J. V. The Political Opposition to Alexios I Komnenos (1081–1118). (PHD. — dissertation). Mainz, 2020.

Flaig, E. Für eine Konzeptionalisierung der Usurpation im spätrömischen Reich, in: *Usurpationen in der Spätantike. Akten des Kolloquiums „Staatsstreich und Staatlichkeit“, 6.–10. März 1996, Solothurn, Bern* / Hrsg. von F. Paschoud, J. Szidat. Stuttgart, 1997. S. 15–34.

Frankopan, P. Challenges to imperial authority in Byzantium: Revolts on Crete and Cyprus at the end of the 11th c., in: *Byzantion*. 2004. T. 74/2. P. 382–402.

Frankopan, P. Kinship and the Distribution of Power in Komnenian Byzantium, in: *The English Historical Review*. 2007. Vol. 122. P. 1–34.

Frankopan, P. The fall of Nicaea and the towns of Western Asia Minor to the turks in the later 11th century: the curious case of Nikephoros Melissenos, in: *Byzantion*. 2006. T. 76. P. 153–184.

Gautier, P. Le synode des Blachernes (fin 1094). Etude prosopographique, in: *Revue des études byzantines*. 1971. T. 29. P. 213–284.

Gerhold, V. Empereur, Église et aristocratie laïques: enjeux politiques dans la consolidation dynastique des Comnènes, in: *Erytheia: Revista de estudios bizantinos y neogriegos*. 2016. No. 37. P. 55–125.

Haldon, J. *Res publica Byzantina? State formation and issues of identity in medieval east Rome*, in: *Byzantine and Modern Greek Studies*. 2016. Vol. 40. P. 4–16.

Heher, D. *In den Schuhen des Kaisers: Usurpationen und ihre Performanz im Byzantinischen Reich (10.–12. Jahrhundert)*. Stuttgart, 2024.

Ioannes Zonarae epitomae historiarum: Libri XIII–XVIII / Ed. Th. Büttner-Wobst, ex rec. M. Pinder. Bonn, 1897.

Joannou, P. *Christliche Metaphysik in Byzanz I. Die Illuminationslehre des Michael Psellos und Joannes Italos*. Ettal, 1956.

Kaldellis, A. *The Byzantine republic. People and power in New Rome*. Cambridge, MA; London, 2015.

Kouroupou, M., Vannier, J.-F. *Commémorations des Comnènes dans le typikon liturgique du monastère du Christ Philanthrope (MS. Panaghia Kamariotissa 29)*, in: *Revue des études byzantines*. 2005. T. 63. P. 41–69.

Kyritses, D. *The imperial council and the tradition of consultative decision-making in Byzantium (eleventh to fourteenth centuries)*, in: *Power and subversion in Byzantium. Papers from the Forty-third Spring Symposium of Byzantine Studies, University of Birmingham, March 2010* / Ed. D. Angelov, M. Saxby. Farnham, 2013. P. 57–69.

Leib, B. *Complots à Byzance contre Alexis I Comnène (1081–1118)*, in: *Byzantinoslavica*. T. 23. 1962. P. 250–275.

Leidholm, N. *Elite Byzantine Kinship, Ca. 950–1204: Blood, Reputation, and the Genos*. Leeds, 2019.

Magdalino, P. *The Empire of Manuel I Komnenos, 1143–1180*. Cambridge, 2002.

Malamut, E. *Alexis Ier Comnène*. Paris, 2007.

McMahon, L. *Anna Komnene, the Kontostephanoi, and the Norman invasions of 1107–1108 and 1147–1149*, in: *Byzantinische Zeitschrift*. 2024. Bd. 117/3. S. 693–734.

Michaelis Attaliatae *Historia* / Ed. E. Th. Tsolakes. Athen, 2011.

Mommsen, Th. *Römisches Staatsrecht*. Leipzig: S. Hirzel, 1887–1888. Bd. I–III.

Morris, R. *Succession and usurpation: Politics and rhetoric in the late tenth century*, in: *New Constantines. The rhythm of imperial renewal in Byzantium, 4th–13th Centuries* / Ed. P. Magdalino. London, 1994. P. 199–214.

Nicephore Bryennios. *Histoire* / Introd., texte, trad. et notes par P. Gautier. Bruxelles, 1975.

Nikolaros, S. *Die Taronitai. Eine prosopographisch-sigillographische Studie*, in: *Millenium*. 2017. Vol. 14. S. 227–292.

Pertusi, A. *Insigne del potere sovrano e delegato a Bisanzio e nei paesi di influenza bizantina*, in: *Simboli e simbologia nell'alto medioevo, 3–9 aprile 1975, II* (= Settimane di studio del Centro Italiano di Studi sull'Alto Medioevo 23). Spoleto, 1976. P. 481–568.

Polemis, D. *The Doukai: A Contribution to Byzantine Prosopography*. London, 1968.

Rózsa, M. Families behind a plot. The political and social background of the Anemas conspiracy, in: *Papers and proceedings of the third medieval workshop in Rijeka* / Ed. K. Jovanović, S. Miljan. Rijeka: Faculty of Humanities and Social Sciences University of Rijeka, 2018. P. 11–28.

Schmidt, T. Armeeführung und Militäreliten in Byzanz, 1081–1203: Selektion, Hierarchie, Repräsentation. Turnhout, 2025.

Schneidmüller, B. Konsensuale Herrschaft. Ein Essay über Formen und Konzepte politischer Ordnung im Mittelalter, in: *Reich, Regionen und Europa in Mittelalter und Neuzeit. Festschrift für Peter Moraw* / Hrsg. P.-J. Heinig; S. Jahns und al. Berlin, 2000. S. 53–87.

Seibt, W. Die Skleroi. Eine Prosopographisch-sigillographische Studie. Wien, 1976.

Skoulatos, B. Les personnages byzantins de l'Alexiade: analyse prosopographique et synthèse. Louvain, 1980.

Stouraitis, Y. Bürgerkrieg in ideologischer Wahrnehmung durch die Byzantiner (7.–12. Jahrhundert): Die Frage der Legitimierung und Rechtfertigung, in: *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*. 2010. Bd. 60. S. 149–172.

Stouraitis, Y. Civil War in the Christian Empire, in: *A Companion to the Byzantine Culture of War, ca. 300–1204* / Ed. Yannis Stouraitis. Leiden; Boston, 2018. P. 92–123.

Szidat, J. Usurpator tanti nominis. Kaiser und Usurpator in der Spätantike (337–476 n. Chr.). Stuttgart, 2010.

Tounta, E. Usurpation, acceptance and legitimacy in medieval Europe: An analysis of the dynamic relations between ritual structure and political power, in: *Ritual and the science of ritual III: State, power, and violence* / Ed. G. Schwedler, E. Tounta. Wiesbaden, 2010. S. 447–473.

Treitinger, O. Die oströmische Kaiser- und Reichsidee nach ihrer Gestaltung im Zeremoniell. Vom oströmischen Staats- und Reichsgedanken. Darmstadt, 1956.

Vilimonović, L. Structure and Features of Anna Komnene's Alexiad: Emergence of a Personal History. Amsterdam, 2019.